

АНДРЕЙ РУДАЛЁВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ МУЖЧИНЫ

Фиолетово

Давно занимал вопрос: что стало с мужчиной на излёте восьмидесятых, в девяностые? Когда новые реалии растапывали людей, причём зачастую на иболее достойных. Многие спивались, опускали руки или накладывали их на себя, так как перестали понимать, что происходит вокруг. Шагренево́й кожей сжималась продолжительность их жизни, всё меньше стали зачинать детей. Тогда им внушили “умную” формулу: “Зачем плодить нищету?” – и они обречённо её повторяли. И уходили тенями в пустоту, и пропивали скупые подачки, которые швыряли им новые хозяева жизни. Ещё совсем недавно эти хозяева слыли проходимцами, жуликами, ворами и спекулянтами – отбросами общества, а теперь стали чуть ли не новыми его аристократами.

У писателя Романа Сенчина есть ранний рассказ-миниатюра “В новых реалиях”. Его герой по фамилии Егоров делал отличную карьеру в привычных условиях жизни: последние пять лет был замначальника цеха завода, жена, дочки. Но вот последние несколько месяцев завод стоит, семья отправлена к деревню к теще – “там легче прокормиться”. Жизнь потекла по руслу, которое можно обозначить словом “хреновенько”.

Однажды Егорова пригласил в гости на небольшое торжество давний друг, с которым пару лет они не виделись. Друг этот сумел приспособиться к новым реалиям, окунулся в них, как рыба в воду. Он “пополнел, порозовел”, живёт в достатке, женат, но детьми не обременён. Во время дружеского застолья он показал Егорову видеокассету, которую раздобыл у немецкого репортера. На ней – перестроечная демонстрация 1989 года, и в рядах демонстрантов несколько раз можно было разглядеть Егорова с женой. У него в руках плакат с надписью “Прошу слова! Гражданин”, у жены – картонка на груди “Долой 6-ю статью!” Вокруг такие же люди, и развеивается на ветру триколор.

Там у Егорова “глаза были большие, светящиеся”. Уже тогда он был замначальника, и, собственно, ему было что терять. Теперь, через четыре года, он будто потух, и терять ему особенно нечего – всё отобрали “новые реалии”, в которые он уже совершенно не вписывается. Относительно политики теперь ему всё “фиолетово”: “слова” не просит, о “гражданине” не поминает. Осталось главное: чтобы дочки “меня человеком считали”...

Егоров спешно ушёл от приспособившегося друга, от недавних воспоминаний и в ту же ночь повесился. Рассказ этот у Сенчина датирован 1993 годом...

“Ватный богатырь”

“1993” — таков заголовок нового романа Сергея Шаргунова. Главный герой книги — Виктор Брянцев, само появление такого героя — момент знаковый. В прежних реалиях — он отличный технарь, приложил руку к луноходу, мастерил приборы наведения. В реалиях новых — работает в аварийной службе, ремонтирует трубы под землёй. Раньше он космические приборы делал, а теперь ушёл под землю, будто червяк, латает расплзающуюся по швам инфраструктуру уходящей в небытие советской цивилизации. У него жена, пятнадцатилетняя дочь, живут за городом в дачном поселке.

Если у сенчинского Егорова демонстрации, политика были в прошлом, как и горящие глаза вкупе с романтическими надеждами на что-то лучшее, то Брянцева волна политики захлестнула только сейчас. Брянцев чувствует, что в “новых реалиях” он заброшен на периферию жизни, и перспектив выбраться из-под земли — практически никаких. Человек его формации плохо ориентируется в этих самых реалиях, у него нет шанса приспособиться. Он не может вписаться в логику “срубить бабла” и мастерит из консервных банок телескоп, смотрит на него в небо, мечтает о бессмертии. “Бабло” и тяга к бессмертию плохо сочетаются друг с другом. Соучастие в политике, сначала через просмотр телепередач и трансляций заседаний Верховного Совета, потом — выход на улицу становится для него попыткой прочувствовать пульс жизни, преодолеть печать аутсайдера.

В многолюдье октябрьских событий 93-го Виктор “почувствовал, что не совсем себе принадлежит, он стал частичкой стихии, которая его не отпустит”. В сражении “он чувствовал себя воином, которому теперь — только побеждать”.

Виктор, не сделавший карьеру в прикладной науке, ищет выход в политике, которая и погубила его науку, а сейчас рушит и любовь: вбивает клин в их с супругой отношения, а в финале останавливает его сердце 4 октября — в день, когда танки в прямом эфире расстреливали Парламент, а с ним — остатки прежних реалий. Бессмертие и смерть ходят рядом...

Если поколение Виктора можно считать загубленным, переломленным через колено, то поколение его дочери Тани можно назвать шаблонным эпитетом “потерянное”. Отличная иллюстрация этого — случайный отец её ребенка, от которого она “залетела” — местный 20-летний отморозок Егор Корнев. В итоге он сгинул после совершения “мокрого” дела.

1993 год, наверное, можно назвать поворотным. Если до этого времени ещё горели у людей глаза, и они верили, что от них ещё многое зависит, что они сами — деятели истории и пребывают в своей идеалистически-романтической перестроечной, августа 1991 года эйфории, то после октября 93-го все эти иллюзии стали растворяться. Против пушек нет приёма, особенно когда они бьют по своим. Люди вдруг увидели, что всё вокруг “фиолетово”, а значит, и им, собственно, ни до чего нет дела, что их самих не касается.

Вот ювелир Янс, отец двух девочек-подростков, сосед Брянцевых, покрыл крышу золотом. Позже, когда ему стали угрожать, обзавёлся оружием. По его словам, он “одному рад: свобода есть!” Свободный 20-летний Егор застрелил его, а потом пропал и сам. Вот и получается, что ни у кого из них — ни у богатея, ни у нового флибустьера, ни у романтического работяги — нет шансов перебороть нахлынувшие новые реалии. Через месиво, в котором идёт борьба за выживание, никто из них не пройдёт.

Если рассказ Сенчина не оставляет шансов его герою, и он попадает в полное небытие, то у Шаргунова небытие героя всё же с потенцией бытия (если воспользоваться терминологией неоплатоников). После смерти Виктора появился его внук Пётр, который в 2012 году вышел на Болотную площадь всё с той же искрой бессмертия в груди, что и его дед. И услышал он там слово “Победа”, как эхо из прошлого, которое слышал в своё время и Виктор Брянцев. Пётр — ‘камень’, Апостол жертвенной смерти. Кстати, подобный мостик в будущее через поколение есть и в творчестве Романа Сенчина. В романе “Елтышевы” после череды всей жизненной жести, которая сопровождала семью, после того как сгинули все мужчины в ней, остался один ребёнок — внук, носящий совершенно другую фамилию, но у него есть шанс...

Троя и её обитатели

“Новые реалии” выливаются в апокалиптическую антиутопию. В сборнике прозаика из старинного русского города Каргополь, первого лауреата премии “Чеховский дар” Александра Кирова “Последний из миннезингеров” есть рассказ “Троянос Деллас”.

Место действия – пилорама возле деревни Астафьево. Окно в мир – экран старого “Рекорда”, только здесь не идут политические дебаты или трансляции заседаний Верховного Совета, а на зелёных полях гоняют мяч футболисты, которые воспринимаются чуть ли не как античные герои. Вместо брянцевского телескопа или егоровского плаката – пластиковый стаканчик. Вместо эпической и героической Трои – другая “Троя” – лосьон для лица и тела. Убийственная смесь, но годная для внутреннего употребления. Вместо Ахилла – Алик Чекушин. Место Эллады – деревенька Астафьево – “одна из самых пьющих в мире”. Одним словом, “глубинка”. Если Троя шла к краю гибели через всплеск героизма, то эта деревенька поражена “новыми реалиями”.

Рядом с деревней находится пилорама, куда перетекают все отчаявшиеся. Она является практически единственным местом, где можно получить хоть какую-то работу. Туда пришёл и “молодой странноватый” учитель Олег Алексеев, ставший позже Аликом Чекушиным, будто переродившимся в новое качество.

Рассказ начинается с двух путей отечественной интеллигенции: выезд на ПМЖ в эдемскую заграницу (старший брат-медик Алексеева уехал в Норвегию) и уход в народ (сам Олег Алексеев отправился в русскую глубинку учительствовать). Старший звал его в свои райские кущи, но младший сознательно сжёг все мосты: порвал письмо брата. Через несколько лет ученики в деревеньке Астафьево иссякли. Алексеев заколотил школу и двинул на пилораму – единственное “градообразующее” предприятие, дающее работу, адаптированное, в отличие от школы, к новым реалиям.

С другой стороны, в том же направлении шёл другой представитель русского культурного дискурса “физики-лирики” – инженер сельхозпредприятия Берроуз, у которого встал и остался без движка последний трактор. Так соединились в общей точке нового прагматического мира гуманитарии и технари – носители клейма аутсайдерства.

Хозяин пилорамы Мирза взял их в сторожку за еду и одежду. Другая достопримечательность этого нового мира – дом Тугрика, находящийся на окраине деревни, ставший местом своеобразного паломничества: этот Тугрик торговал спиртом, его сюда привёл и дал ярлык на торговлю Мирза.

На самой пилораме, которая далеко не “город Солнца”, окружённой практически пустыней, складывается, как принято говорить, тоталитарное общество. Мужики работают круглосуточно, на их территорию извне никто не посягает, внутри через террор установлена жёсткая дисциплина. Режим постепенно ужесточался. Через какое-то время пилорама “была обнесена колючкой, в четырех углах её стояли вышки”. Был разработан Устав пилорамы, по которому все рабочие объявлялись “изначально порочными и греховными существами”, которые обязаны были возмещать ущерб. Был утверждён паёк: вермишель быстрого приготовления и ёмкость из-под одеколна “Троя” с разведённым спиртом... И как итог всего – естественно, трагедия: череда смертоубийств, как в финале шекспировских пьес. Людоедская улыбка новых демократических реалий?..

Уродливость реальности Александр Киров в своём рассказе развил до фантазмагии, притчи, передающей ощущение тотальной пустоты жизни, лишённой какого бы то ни было содержания. Жизни, насыщенной тенденциями распада, где даже воспоминание о героическом прошлом трансформируется в пузырьёк со смертоносной жидкостью. В рассказе показано развитие уродливого проекта, обречённого на неминуемое разрушение, откуда бежит и спасается только человек, умеющий выживать.

Нереализованность

– Почему ваш отец пил?

– Почему пил? Ну, как почему... Все пили. Пил потому, что... А я думаю, что есть там одна причина, она самая распространённая, она сегодня нереализованностью называется: он не стал знаменитым – ни художником, ни поэтом, ни музыкантом.

– То есть не будь той искры, он бы пил, как все, но рано не умер?

– Пил, как все, – смеётся. – Мы же потом переехали в город Дзержинск, и там он уже допил. Допился до того состояния, что сердце у него остановилось. Он никогда не был алкоголиком, он бы интеллигентным человеком, и, как многие в среде интеллигенции, он сердце своё надорвал...” Это цитата из интервью Захара Прилепина журналу “Русский репортёр” (<http://rusrep.ru/article/2013/07/08/prilepin>).

Нереализованность – важное замечание. Но зачастую она имеет далеко не личные причины, например, неспособность человека себя проявить, лень, трусость и так далее. Проблема нереализованности может вовсе и не зависеть от тебя. Почему не реализовался Виктор Брянцев и из конструкторских бюро и лабораторий ушёл в аварийку – под землю? Почему замначальника заводского цеха Егоров стал аутсайдером, не способным прокормить свою семью? Почему у деревенского учителя Алексеева иссякли ученики, а сам он трансформировался в Алика Чекушина? Естественный отбор – убывают слабейшие? Или все они были “изначально порочны”, как работники кировской пилорамы? В какой-то момент мужчину лишили возможности действия, цели, обрезали все перспективы, оставили затухать. Испугавшись его проявленной воли, нарочито стали унижать. Плюс надо было уничтожить формуляцию прежнего человека, которого обозвали “совком”. Ему предоставили выбор: либо стать аутсайдером, либо сломать себя – приспособливаться, мимикрировать, идти на сделку с совестью, заниматься тем, что ранее было постыдным, то есть, по сути, перестать быть мужчиной. . .

Герой романа “Санька” Захара Прилепина Саша Тишин похоронил отца и в поисках смысла жизни, в обретении себя пришёл к осознанию необходимости действия, изменения, исправления мира. Пётр – внук Виктора Брянцева из нового романа Сергея Шаргунова – никогда не видел своего деда, но решил продолжать начатое им. Пётр думал о нём, о его судьбе с детства.

В своё время в ходу было любопытное определение: “поколение БМП”. Аббревиатура расшифровывается довольно просто: “без меня победили” (в другой редакции – “поделили”). Это поколение, выросшее на обломках некогда великой страны. Период начального накопления капитала прошёл, всё разобрано и прибрано к рукам. Молодым людям этого поколения остаётся, в лучшем случае, сделать карьеру какого-нибудь менеджера среднего звена, экономиста, юриста.

Если говорить штампованным языком, целый пласт молодых людей, полных энергии, оказался *на обочине жизни*, но это отнюдь не аутсайдеры, не безликие, уныло бредущие тени. Общество их отторгло, оно заставляет их играть по своим правилам. Оформи́вшаяся элита навязывает им свою систему ценностей, своё мировоззрение. Уже сама попытка вырваться из этого тотального смога, очнуться от непрекращающегося гипнотического сеанса – шаг решительный и смелый, говорящий о большом достоинстве личности. Личности нового формата, зарождающейся на сломе эпох, гибели и зарождении цивилизаций, сформировавшейся сквозь хаос и анархию безвременья. Это период, как писал Герман Гессе в “Степном волке”, “когда целое поколение оказывается между двумя эпохами, между двумя укладами жизни в такой степени, что утрачивает всякую естественность, всякую преемственность в обычаях, всякую защищённость и непорочность”.

Внешнему и явному бунту героя прилепинского романа “Санька” предшествует внутренняя брань, преодоление опустошённости, душевной пустыни молодого человека, выросшего в новой России, личность которого формировалась вместе с корчами, муками становления ещё не до конца оформившейся, во многом уродливой государственности. Однажды Саша Тишин проснулся с вопросом: “Какой я?” И после формулирования этого вопроса он пошёл по пути обретения воли.

Ещё в самом начале романа колонна митингующих скандировала: “Любовь и война!”, а Саша изменил этот лозунг и кричал: “Любовь, любовь!” О необходимости любви постоянно говорит шаргуновский Виктор Брянцев. Это поколение претендует на то, чтобы продолжить то, на чём сломали, надломили мужчину в девяностые. Претендует на то, чтобы преодолеть состояние “ватного богатыря” (так жена называла Виктора Брянцева) и заявить о себе, проявить свой реальный голос, а не автоматически сбрасывать его в урну для голосования. С этим поколением может произойти “возвращение масс”, обретение им воли, о чём пишет Александр Казинцев.

г. Северодвинск